

Классика
в школе и дома

Кеннет
Грэм

Ветер в ивах

Москва

2017

УДК 821.111-053.2
ББК 84(4Вел)-44
Г91

Перевод с английского *И. Токмаковой*

Оформление серии *О. Горбовской*

Грэм, Кеннет.

Г91 Ветер в ивах / Кеннет Грэм ; [пер. с англ. И. Токмаковой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 256 с.

ISBN 978-5-699-84171-4 (Классика в школе)

ISBN 978-5-699-84186-8 (Внеклассное чтение)

Сказочная повесть Кеннета Грэма «Ветер в ивах» рекомендуется для чтения в 3-4-х классах.

УДК 821.111-053.2
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-84171-4 (КВШ)
ISBN 978-5-699-84186-8 (ВЧ)

© И.Токмакова, перевод, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

НА РЕЧНОМ БЕРЕГУ

Крот ни разу не присел за все утро, потому что приводил в порядок свой домик после долгой зимы. Сначала он орудовал щетками и пыльными тряпками. Потом занялся побелкой. Он то влезал на приступку, то карабкался по стремянке, то вспрыгивал на стулья, таская в одной лапе ведро с известкой, а в другой — малярную кисть. Наконец пыль совершенно запылила ему глаза и застряла в горле, белые кляксы покрыли всю его черную шерстку, спина отказалась гнуться, а лапы совсем ослабели.

Весна парила в воздухе и бродила по земле, кружила вокруг него, проникая каким-то образом в его запрятанный в глубине земли домик, заражая его неясным стремлением отправиться куда-то, смутным желанием достичь чего-то, неизвестно чего.

Не стоит удивляться, что Крот вдруг швырнул кисть на пол и сказал:

— Все!

И еще:

— Тьфу ты, пропасть!

И потом:

— Провались она совсем, эта уборка!

И кинулся вон из дому, даже не удосужившись надеть пальто. Что-то там, наверху, звало его и требовало к себе. Он рванулся вверх по крутому узкому туннелю. Туннель заменял ему дорожку, посыпанную гравием и ведущую к главным воротам усадьбы, которая есть у зверей, живущих значительно ближе к воздуху и солнышку, чем Крот. Он спешил, скреб землю коготками, стремительно карабкался, срывался, снова скреб и рыл своими маленькими лапками, приговаривая:

— Вверх, вверх, и еще, и еще, и еще!

Пока наконец — хоп! — его мордочка не выглянула на свет, а сам он не заметил, как стал радостно кататься по теплой траве большого луга.

— Ух, здорово! — восклицал он. — Здорово! Намного лучше, чем белить потолок и стены!

Солнце охватило жаром его шерстку, легкий ветерок ласково обдул разгоряченный лоб, а после темноты и тишины подземных подвалов, где он провел так много времени, восторженные птички трели просто его оглушили.

Крот подпрыгнул сразу на всех четырех лапах в восхищении от того, как хороша жизнь и как хороша весна, если, конечно, пренебречь весенней уборкой. Он устремился через луг и бежал до тех пор, пока не достиг кустов живой изгороди на противоположной стороне луга.

— Стоп! — крикнул ему немолодой кролик, появляясь в просвете между кустами. — Гони

шесть пенсов за право прохода по чужой дороге!

Но Крот даже взглядом его не удостоил и, презрительно сдвинув с пути, в нетерпении зашагал дальше, мимоходом поддразнивая всяких других кроликов, которые выглядывали из норок, чтобы узнать, что там случилось.

— Луковый соус! Луковый соус! — бросал им Крот, и это звучало довольно глумливо, потому что кому приятно напоминание, что твою родню подают к столу под луковым соусом!

К тому времени, когда он был уже далеко, кролики придумывали колкость ему в ответ и начинали ворчать и упрекать друг друга:

— Какой же ты глупый, что ты ему не сказал...

— А ты сам-то, сам-то чего ж...

— Но ты же мог ему напомнить...

И так далее в этом же роде. Но было уже, конечно, поздно, как это всегда бывает, когда надо быстро и находчиво оборвать насмешника.

...Нет! На свете было так хорошо, что прямо не верилось! Крот деловито топал вдоль живой изгороди то в одну, то в другую сторону. Пересекая рощицу, он видел, как всюду строили свои дома птицы, цветы набирали бутоны, проклевывались листики. Все двигалось, радовалось и занималось делом. И вместо того чтобы услышать голос совести, укоряющий: «А побелка?» — он чувствовал один только восторг, оттого что был единственным праздным бродягой посреди всех этих погруженных в весенние заботы жителей. В конце концов, самое лучшее

во всяком отпуске — это не столько отдыхать самому, сколько наблюдать, как другие работают.

Крот подумал, что он полностью счастлив, как вдруг, продолжая бродить без цели, он оказался на самом берегу переполненной внешними водами реки. Он прежде никогда ее не видел; такого, как ему представилось, гладкого, лоснящегося, извивающегося, огромного зверя, который куда-то несся, за кем-то гнался, наступал, хватал, тут же оставлял, смеялся, моментально находил себе другого приятеля, кидался на него и, пока тот отряхивался от речных объятий, бросался на него снова. Все вокруг колебалось и переливалось. Блики, бульканье, лепет, кружение, журчание, блеск.

Крот стоял очарованный, околдованный, замороженный. Он пошел вдоль реки. Так идет маленький рядом со взрослым, рассказывающим волшебную сказку. И наконец, утомившись, присел на берегу. А река все продолжала рассказывать свои прекрасные переливчатые сказки, которые она несла из глубины земли к морю, самому ненасытному на свете слушателю сказок.

Крот сидел на травке, поглядывал на противоположный берег и вдруг заметил, что прямо под кромкой берега темнелся вход в норку, как раз над поверхностью воды.

«Ах, — стал мечтательно раздумывать Крот, — каким прелестным жильем могла бы оказаться такая норка для зверя со скромными

запросами, любящего малюсенькие прибрежные домики, вдали от пыли и шума...»

И пока он приглядывался, ему показалось, что нечто небольшое и яркое мерцает там, прямо посреди входа, потом оно исчезло, затем снова мигнуло, точно крошечная звездочка. Но вряд ли звездочка могла появиться в таком неподходящем месте. Она была слишком маленькой и слишком яркой, чтобы оказаться, например, светлячком.

Крот все смотрел и смотрел. Он обнаружил, что «звездочка» подмигивает именно ему. Таким образом выяснилось, что это глаз, который немедленно начал обрастать мордочкой, точно картинка рамой, коричневой мордочкой с усами. Степенной круглой мордочкой с тем самым мерцанием в глазу, которое и привлекло внимание Крота. Маленькие аккуратные ушки и густая шелковистая шерсть. Ну конечно, это был дядюшка Рэт — Водяная Крыса.

Оба зверя постояли, поглядели друг на друга с некоторой опаской.

— Привет, Крот, — сказал дядюшка Рэт — Водяная Крыса.

— Здравствуй, Рэт, — сказал Крот.

— Не хочешь ли зайти ко мне? — пригласил дядюшка Рэт.

— Хорошо тебе говорить «зайти», — сказал Крот, слегка обидевшись.

Дядюшка Рэт на это ничего не ответил, нагнулся, отвязал веревку, потянул ее на себя и легко ступил в маленькую лодочку, которую Крот до сих пор не замечал. Она была выкра-

шена в голубой цвет снаружи, в белый — изнутри, и была она размером как раз на двоих, и Кроту она сразу же пришлась по душе, хотя он пока еще не совсем понимал, для чего существуют лодки. Дядюшка Рэт аккуратно греб, направляясь к противоположному берегу, и, причалив, протянул переднюю лапу, чтобы поддержать Крота, боязливо ступившего на дно лодки.

— Опирайся! — сказал он. — Смелее!

И Крот не успел оглянуться, как уже сидел на корме настоящей лодки.

— Вот это денек! — восклицал он, пока Рэт отталкивал лодку и вновь усаживался за весла. — Можешь себе представить, ведь я ни разу в жизни не катался на лодке. Ни разу!

— Что?

Дядюшка Рэт — Водяная Крыса так и остался с разинутым ртом.

— Никогда не ка... Ты ни разу в жизни не... Я не представляю... Слушай, а зачем ты жил до сих пор на свете?

— Думаешь, без лодки и жить, что ли, нельзя? — неуверенно возразил Крот. Он уже готов был поверить, что и в самом деле без лодки не проживешь!

Крот восседал, развалившись на мягкой подушке, и рассматривал весла, уключины и вообще все те чудесные вещи, которыми была оборудована лодка, и с приятностью ощущал, как дно под ним слегка покачивается.

— Думаю? Да я просто в этом убежден! — сказал дядюшка Рэт, наклоняясь вперед и энергично взмахивая веслами. — Поверь мне, мой

юный друг, что нету дела, которым и вполнину стоило бы заниматься, как попросту — попросту — повозиться с лодкой, ну просто повозиться, ну просто...

— Осторожно, Рэт! — вдруг закричал Крот.

Но было уже поздно. Лодка со всего маху врезалась в берег. Зазевавшийся, размечтавшийся гребец лежал на дне лодки, и пятки его сверкали в воздухе.

— ...повозиться с лодкой, — договорил он, весело смеясь. — С лодкой, в лодке или возле лодки. Это не имеет значения. Ничего не имеет значения. В этом-то вся прелесть. Неважно, поплывешь ты в лодке или не поплывешь, доплывешь, куда плыл, или приплывешь совсем в другое место, или вовсе никуда не приплывешь, важно, что ты все время занят, и при этом ничего такого не делаешь, а если ты все-таки что-то сделал, то у тебя дел все равно останется предостаточно, и ты можешь их делать, а можешь и не делать — это решительно все равно. Послушай-ка! Если ты сегодня ничего другого не наметил, давай-ка махнем вниз по реке и хорошо проведем время. А?

Крот пошевелил всеми пальцами на всех четырех лапах, выражая этим свое полное удовольствие, глубоко, радостно вздохнул и в полном восторге откинулся на подушки.

— О, какой день!.. Какой день!.. — прошептал он. — Поплыли! Сейчас же!

— Тогда минуточку посиди спокойно, — сказал дядюшка Рэт.

Он привязал веревку к металлическому колечку у причала, взобрался по откосу к своей норе и вскоре появился снова, сгибаясь под тяжестью плетеной корзины, у которой просто распирало бока.

— Засунь ее под лавку, — сказал он Кроту, передавая корзину в лодку. После этого он отвязал веревку и снова взялся за весла.

— Что в ней? — спросил Крот, ерзая от любопытства.

— Жареный цыпленок, — сказал дядюшка Рэт коротко, — отварной язык-бекон-ростбиф-корнишоны-салат-французские булочки-заливное-содовая...

— Стоп, стоп! — завопил Крот возбужденно. — Этого слишком много!

— Ты в самом деле так думаешь? — спросил его дядюшка Рэт с серьезной миной. — Но я всегда все это беру с собой на непродолжительные прогулки, и мои друзья каждый раз мне говорят, что я скупердяй и делаю слишком ничтожные запасы.

Но Крот уже давно не слушал. Его внимание поглотила та новая жизнь, в которую он вступал. Его опьяняли сверкание и рябь на воде, запахи, звуки, золотой солнечный свет. Он опустил лапу в воду и видел бесконечные сны наяву.

Дядюшка Рэт — Водяная Крыса, добрый и неизменно деликатный, греб себе и греб, не мешая Кроту, понимая его состояние.

— Мне нравится, как ты одет, дружище, — заметил он после того, как добрых полчаса

прошло в молчании. — Я тоже думаю заказать себе черный бархатный костюм, вот только соберусь с деньгами.

— Что? — спросил Крот, с трудом возвращаясь к действительности. — Прости меня, я должно быть, кажусь тебе неучтивым, но для меня это все так ново. Так, значит, это и есть речка?

— Не речка, а река, — поправил его дядюшка Рэт, — а точнее, Река с большой буквы, понимаешь?

— И ты всегда живешь у реки? Это, должно быть, здорово!

— Возле реки и в реке, и вместе с рекой, и на реке. Она мне брат и сестра, и все тетки, вместе взятые, она и приятель, и еда, и питье, и, конечно, как ты понимаешь, баня и прачечная. Это мой мир, и я ничего другого себе не желаю. Что она не может дать, того и желать нет никакого смысла, чего она не знает, того и знать не следует. Господи! Сколько прекрасных часов мы провели вместе! Хочешь — летом, хочешь — зимой, осенью ли, весной ли, у нее всегда есть в запасе что-нибудь удивительное и интересное. Например, в феврале, когда полые воды высоки, в моих подвалах столько воды, что мне в жизни не выпить! А мутные волны несутся мимо окон моей парадной спальни! А потом, наоборот, вода спадает, и показываются островки мягкого ила, которые пахнут, как сливовый пудинг, а тростник и камыши загораживают путь весенним потокам, и тогда я могу ходить почти что по ее руслу, не замочив

ботинок, находить там вкусную свежую пищу, отыскивать вещи, выброшенные легкомысленными людьми из лодок...

— И тебе никогда не бывает скучно? — отважился перебить его Крот. — Только ты и река, слова больше не с кем сказать?

— Слова не с кем... Нет, я не должен судить тебя слишком строго, — добродушно заметил дядюшка Рэт. — Ты тут впервые. Откуда же тебе знать! Да ведь берега реки так густо заселены всяким народом, что многие даже переселяются в другие места. О нет, нет! Сейчас совсем не то, что бывало в прежние времена! Выдры, зимородки, разные там другие птицы, шотландские курочки — решительно все вертятся у тебя целый день под ногами, и все требуют, чтобы ты для них что-нибудь делал, как будто у тебя нет никаких своих забот!

— А вот там что? — спросил Крот, показывая на густой темный лес, обрамлявший прибрежные заливные луга.

— Это? А, это просто Дремучий Лес, — заметил дядюшка Рэт коротко. — Мы, береговые жители, не так уж часто туда заглядываем.

— А разве... а разве там живут не очень хорошие эти... ну... — проговорил Крот, слегка разволновавшись.

— М-да, — ответил дядюшка Рэт. — Ну, как тебе сказать... Белки, они хорошие. И кролики. Но среди кроликов всякие бывают. Ну и, конечно, там живет Барсук. В самой середине. В самой, можно сказать, сердцевине. Ни за какие деньги он не согласился бы перебраться куда-

нибудь в другое место. Милый старый Барсук! А никто его и не уговаривает, никто его и не трогает. Пусть только попробуют! — добавил он многозначительно.

— А зачем его трогать? — спросил Крот.

— Ну там, конечно, есть и другие, — продолжал дядюшка Рэт, несколько колеблясь и, по-видимому, выбирая выражения. — Ласки там, горностаи, лисы, ну и прочие. Вообще-то, они ничего, я с ними в дружбе. Проводим время вместе иногда и так далее, но, понимаешь, на них иногда находит, короче говоря, на них нельзя положиться, вот в чем дело.

Кроту было хорошо известно, что у зверей не принято говорить о возможных неприятностях, которые могут случиться в будущем, и поэтому он прекратил расспросы.

— А что за Дремучим Лесом? — решил он спросить спустя долгое время. — Там, где си-нева, туман и вроде бы дымят городские трубы, а может, и нет, может, это просто проплывают облака?

— За Дремучим Лесом — Белый Свет. А это уже ни тебя, ни меня не касается. Я там никогда не был и никогда не буду, и ты там никогда не будешь, если в тебе есть хоть капелька здравого смысла. И, пожалуйста, хватит об этом. Ага! Вот наконец и заводь, где мы с тобой устроим пикник.

Они свернули с основного русла, поплыли, как казалось на первый взгляд, к озерку, но это было на самом деле не озеро, потому что туда вела речная протока. К воде сбегали зеле-